

ЧУВСТВЕННОСТЬ

МУЗ

Фотограф Владимир Клавихо-Телепнев о настоящих женщинах

Фотографии чем-то похожи на письма, прекрасные любовные письма, в которых нет места обыденному разговорному языку. В них всегда происходит некая идеализация партнера, как будто ты обращаешься не к самому человеку, а к собственному представлению о нем. К тому романтическому образу, который раз и навсегда запечатлелся в твоей памяти.

Я часто общался с бывшими кинозвездами, первыми красавицами советского кино. В то время они были уже очень пожилыми женщинами, но я не видел их старости. У меня перед глазами были образы, которые когда-то, после просмотра замечательных черно-белых фильмов с их участием, остались во мне. Для меня они по-прежнему были теми неземными красавицами. Я думаю, что это можно назвать фотоэффектом – с одной стороны, перед тобой реальный человек, но так получается, что ты общаешься не совсем с ним, а скорее с некой картинкой, которую ты создал в связи с ним.

Для меня образ настоящей женщины – это как раз такая идеализация, главный принцип моих фотографий. Единственное мгновение, зафиксированное на фотопленку, когда женщина превращается в музу... И не важно – муза ли она добродетели или порока, ведь даже порок в такой интерпретации становится идеально красивым.

В любом случае, образ музы – совершенно небесный, недостижимый, всегда немного асексуальный, и эта асексуальность придает ему божественный шарм. Музу нельзя желать – ею можно только восхищаться.

В России очень восточное, а бы даже сказал, азиатское, деспотичное представление о настоящей женщине – главные эпитеты, которые у нас принято применять к этому образу, абсолютно плотские – женщина-мать, женщина-красавица. То есть женщина может восприниматься либо как средство продолжения рода, либо как сексуальный объект. Только так. Все мои коллеги, которые пытались снимать «ню», шли имен-

но по этому пути. Мне кажется, что российское представление о «ню» – слишком агрессивное. Если современный мужчина-фотограф начинает снимать обнаженную женскую натуру, то, как правило, он женщину просто распинает и представляет в жутком таком, почти утилитарном виде. Эталоном подобных съемок в России почему-то всегда считались фотографии Хельмута Ньютона, который просто беспощаден к женщине.

Мне такой подход неинтересен, потому что сейчас в России тенденция такова, чтобы мы к сексуальности относились как к вещи совсем обыденной и бытовой. Противовесом популярной и скучной, на мой взгляд, сексуальности, я считаю сентуальность, чувственность. Это качество, которое есть в каждой женщине. Именно оно помогает совершиться мистическому действию – превращению в Музу.

Некоторое время назад я сделал проект, посвященный женской чувственности. Он так и назывался – «Sensuality», скоро он, вероятно, должен выйти в свет. В этом проекте я отказался от принципа использования профессиональных моделей как типичного образца внешней красоты и сексуальности. Мне было важно, чтобы в работах не было эффекта фешн-съемки, так как в этом виде фотографии почти никогда не удаются хорошие портреты. Модели очень редко меняют мимику – у них есть определенная рабочая маска. И получается все как-то искусственно, ведь кулу не могла наделять качествами настоящего взрослого человека.

Поэтому я снимал совершенно обычных женщин, которые были мне интересны, в первую очередь, как люди. Среди моих моделей были журналистки, юристы, архитекторы, художники, балерины. Чтобы уйти от шаблонов, я развернул моделей спиной к объективу. Это не «ню», потому что нет никакой агрессивной обнаженности, это не прямой портрет, потому что нет лица. Но в то же время – это очень характерный для каждой из моделей, именно ее образ. Не просто красивой женщины, а женщины с определенными, присущими только ей чертами. И в какой-то момент в каждой из них обретается своя муза. Идеальная муза добродетели, совершенства или порока. ■